

Выбор

Белова Алена

Алена Белова

Выбор.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69808933

SelfPub; 2023

Аннотация

Неслучайная встреча, кровавые клены и поездка, обернувшаяся кошмаром.

Алена Белова

Выбор.

Она была похожа на ту, самую первую. Ян пригляделся и даже проморгался. Нет, так-то они все были похожи, типаж он и есть – типаж, но что-то в **этой** заставило его сердце больно стукнуться о костяную клетку ребер. Нутро все сжалось, будто за грудину напихали льда. Он потряс головой: идеальная, а это главное. Она с лёгкой мечтательной улыбкой выбирала помидоры. Ян пригляделся ещё, не стара ли?

Она как назло тут же отвернулась, будто считав изучающий взгляд. Со спины сложно было понять: задница плосковатая, тонкие ручки–ножки, небольшой рост. Вроде все так.

Он осторожно подошёл ближе, а потом – к другой стороне выкладки, и обнаружил себя у лука, ковыряясь в уже попадающих клубнях, он всмотрелся: идеальная. Ни морщин, ни косметики – свежая. Что-то в ней смущало, но это было мелочью в сравнении со всеми остальными совпадениями.

Он удовлетворенно выдохнул, взял пару луковиц и отправился к кассе, надеясь, что успеет пробить и вернуться в машину, чтобы последовать за ней. Она вышла минут через пять, Ян сделал вид, что уставился в экран смартфона, а сам искоса поглядывал, как она движется по парковке перед магазином, и тут, словно само бытие благоволило ему, у неё лопнул пакет. Ещё до того, как мысль успела оформиться он

уже выскочил наружу.

– Давайте помогу, – тут же подсуетился он, ловя укатывающуюся банку горошка, пока девушка собирала помидоры, придирчиво их оглядывая.

Одна укатилась обратно к магазину. Ян отследил движение боковым зрением, но плюнул, главное было удержать ее внимание.

– Ух, главное, что огурцы не разбились, – улыбнулась она, демонстрируя банку.

Ян залип, изучая улыбку. Ему показалось или даже глаза у нее сверкнули как–то особенно.

Она засмеялась счастливо, закинув голову наверх, и Ян окончательно поплыл. Обращать внимание на что бы то ни было еще стало почти невозможным. Все тело взволнованно заудело. Он с трудом стряхнул оцепенение и сказал:

– Минуточку, – и двинулся в машину за плотной сумкой, – вот так будет понадёжнее.

Она глянула на него как–то лукаво.

– Вы мой спаситель!

Ян хмыкнул.

– Кто же отпустил столь хрупкую особую одну с таким списком покупок.

Она снова засмеялась.

– Может, вас подбросить? – добавил он, пока она отряхивала ладони.

Она задумалась, оглядела его, придирчиво сощутив глаза и по-птичьи наклонив голову, а потом протянула хрупкую ладошку.

– Анна.

Показалось, что глаза её при этом снова сверкнули, и у него закружилась голова. Это не могла быть **она**. Ян видел тело. Сестёр тоже не должно было быть. Разве что какие внебрачные.

– Ян, – он ответил на рукопожатие, чувствуя лёгкий мандраж.

Им посигналили, нарушив идиллию момента. Анна фыркнула, закатив глаза, и попыталась поднять сумку, но Ян успел быстрее.

Анна юркнула в его машину, с интересом оглядываясь, ткнула “вонючку” наманикюренным пальцем и довольно улыбнулась, дожидаясь, пока он закинет покупки в багажник, а когда сел, заговорила:

– Вы верите в судьбу?

Он задумался: на что, как ни на фатум, свалить её идеальность, фантастически легкую смешливость, похожесть до дрожи – пугающих и в то же время манящих. Он кивнул.

– Я думаю, наша встреча – это судьба, – подытожила она и сказала, куда ехать.

Ян искоса наблюдал, зависая так, что пару раз чуть не съехал с дороги, но она ничего не сказала, видно потому, что и сама наблюдала за ним из-под ресниц. Он понял, что никак не может определить цвет ее глаз: то они казались голубыми, то серыми, а то словно сверкали золотом. Судьба, конечно, судьба.

Они общались все лето. За это время выяснилось, что живёт она одна на старой бабушкиной даче, но родственников толком нет, разве что дальние где-то на севере, а ещё – что она любит старые фильмы и музыку девяностых. Любит кошек и травяные чаи. Почти не ест мяса, не по идеологическим убеждениям, а просто как-то так сложилось. Что кучу времени не может выбраться за грибами и вот только сейчас, после крупномасштабного проекта, вырвалась в не менее крупномасштабный отпуск, потому что, как она сказала, совсем выгорела. Этот момент Ян отметил особенно.

Осень настигла их яркостью и теплом, солнечными кронами берёз и кровавыми клёнами, когда Анна сказала:

– Мой бесконечный отпуск все же не бесконечен.

Она откинулась на покрывало, и её обдувал лёгкий тёплый ветер. Глаза ее в заходящих лучах казались совсем золотыми и манящими. Она глянула на него искоса, неподобающе игриво, но ничего больше не сказала. Ян подумал: совершенно чудесная осень.

– Значит, время начинать охоту, – улыбнулся он.

Анна вздернула светлые брови и глянула озадаченно.

– Грибы, ты же говорила, помнишь?

– А–а–а, – она фыркнула, – что, когда, как? Ты за мной заедешь?

Никаких подозрений, за полтора месяца она стала фактически ручная. Ян улыбнулся, это было похоже на новый год в начале сентября. Нутро будоражило так же, как в детстве, когда он рисовал маме кривые открытки и готовил косо упакованные подарки. Возможно, ему будет ее не хватать, но упустить возможность он не мог – азарт был сильнее.

Он заготовил корзины и ножи, конечно же, для демонстрации Анне, а вот в багажник уже сложил капкан, ножи метательные и пару стволов. Их ждала отдельная подготовка и установка.

Облюбованный им лес имел дурную славу, не возвращал толком грибов и потому не вызывал интереса у грибников и случайных прохожих. Во всяком случае, за десять лет своих развлечений Ян не нашёл в нем никаких недостатков. Разве что пару раз прибивались своры бродячих псов, но отстреляться от них было проще всего.

Подготовка заняла совсем немного: расставить силки, не

сильные, чисто напугать, пару капканов и рядом, конечно, нож – он всегда оставлял выбор. И так, всякое по мелочи. Еды и воды – на двоих, чтобы веселье не кончилось слишком быстро. И аптечку на случай непредвиденных ситуаций, он еще ни разу ей не пользовался, но всегда предпочитал иметь под рукой.

Дело оставалось за малым – дождаться.

– Ты будто не за грибами собралась, – он хмыкнул, оглядев ее джинсы, обтягивающие тощие бедра, белые кроссовки и белую же футболку, из-под которой явственно проглядывали соски. Возможно, она все же любила постарше? Кто знает, на какой исход вечера она рассчитывала. Внутри будто бы что-то даже шевельнулось, но он все равно не рискнул бы оставлять на ней свой биологический материал.

– Запрыгивай, – он с улыбкой открыл дверь.

– Ах, – она притворно сложила руки на груди, – мой герой.

И тут же как-то жутко посерьезнела, добавив:

– Мне будет тебя нехватать.

Он улыбнулся. На миг даже мелькнула мысль: а может, к

черту все? Но нет, слишком долгая подготовка, отпуск, который ему самому пришлось организовывать, столько времени коту под хвост. И типаж... Нет, он не мог ее просто так отпустить.

– Ян?

Анна коснулась его руки, поняв, что он завис, и он только покачал головой, тоскливо улыбнувшись. В конце концов, так он сможет навсегда сохранить частичку ее. Запомнить весь эмоциональный диапазон и сохранить внутри собственной памяти каждую мелочь. Навсегда – это куда глубже и интереснее простого секса.

Какое-то время они ехали в тишине, Анна даже отказалась от радио. Чем ближе к месту они подбирались, тем озадаченной она становилась.

– Ты чего? – спросил он, глядя как она хмурится.

– Мне как-то не по себе, – она поежилась, и впрямь на ее руках проступили мелкие мурашки: Ян мог наблюдать вздыбившиеся светлые волоски, – первый раз такое. От этого места жуть берет.

Ян оглядел красно-золотое лесное великолепие и по-настоящему удивился.

– Серьезно? Это самый тихий лес, что я встречал за всю свою жизнь. Самое страшное, что тут может тебя напугать, – это белка, скинувшая на твою голову желудь, или птица в листве.

Она пожевала нижнюю губу, все еще не расслабив брови.

– Может, мы...

Начала она, и у Яна за этот миг пролетел миллион мыслей, от “если она скажет – мы уедем” до “черт возьми, только не это”.

Она потрясла головой, проглотив остаток фразы, и уцепила его предплечье влажной ладошкой.

– Ты чего так распереживалась? – Он приподнял ее подбородок пальцами, вглядываясь в глаза и приняв самый добродушный вид, на какой был только способен.

Она пожала плечами, фыркнула, покачала головой, а потом робко сказала:

– Ты же меня не обидишь?

Он вздернул брови: интуиция у нее была явно отменная.

– Что за все время нашего общения натолкнуло тебя на такие мысли?

Она снова качнула головой.

– Но если я скажу “все” – что бы ни происходило, мы закончим, и ты отвезешь меня домой.

Она была смешная в этой своей грозности, указывая тонким пальцем, будто молодая учительница, пытающаяся казаться строгой. Он чувствовал, как закипает в венах азарт, и, повинувшись уже не своему – охотничьему инстинкту, поцеловал ее в подушечку пальца.

– Как скажешь.

– Обещаешь?

Глаза ее вновь сверкнули, на этот раз утекая из золота в холодную сталь. Возможно, он все–таки ехал крышей.

– Обещаю.

Что–то в ее вопросах вызывало странный резонанс. Яну казалось, что его разрывает изнутри, так что он едва не забыл корзинки: ножи были зафиксированы под жилеткой и там же – пистолеты.

Он втянул воздух носом, чувствуя, как расслабляется, и обернулся к Анне. Она все еще выглядела озадаченной. Он протянул ей руку. Она улыбнулась и приняла ее.

– Этот лес осенью сводит меня с ума, – сказал он доверительно, – только взглядишь в эту бурю оттенков.

Она проследила его взгляд и чуть крепче сжала руку.

– Да, очень красиво.

– Страх отпустил? – спросил он, улыбаясь.

В межреберье заскреблось злое и голодное. Ждало. Она все еще боялась, он чувствовал это в крепкой хватке ее руки, в том, как неуверенно она повела плечами и лживо кивнула.

– Хорошо, тут есть совершенно фантастическая по красоте и плодovitости поляна, помнишь, я говорил?

Она глухо угукнула, и он говорил–говорил–говорил, заполняя пустоту своим голосом, не позволяя голодному и злому вырваться наружу раньше времени, нужно было дождаться момента, запетлять ее тропами, знакомыми только ему, так, чтобы она уже точно не...

– Как ты тут ориентируешься? – будто прочитав его мысли, спросила она.

Он улыбнулся.

– Годы практики. Я езжу сюда уже десять лет.

Она вздохнула.

– А нам далеко еще? А тут грибы поискать?

– Тут в основном поганки, – он лично позаботился об этом, почистив все накануне, чтобы не застрять и не набрать корзины раньше времени. Нужно было еще немного попеть: если знать как, можно было полностью убить способность понимать, откуда вы пришли.

– А мы...

– Ну что ты как маленькая, в самом деле?

Это был первый раз, когда ему не удалось скрыть раздражение. Она тут же напряглась и выдернула ладонь из его руки.

– Я хочу домой, – выдохнула она.

– Брось, – он улыбнулся добродушно, насколько мог, – осталось совсем чуть-чуть. Ты сегодня какая–то нервная.

Она хохотнула почти истерично и снова закусила губу, оглядевшись.

– Все, хватит, я правда хочу домой, мне не по себе.

– Ань, ты меня сейчас обижаешь.

Она вздохнула.

– Ты обещал.

У Яна пробежали мурашки, не то от порыва холодного ветра, не то от стали в ее голосе. От холода взгляда.

– Ты. Обещал. – снова сказала она выразительно.

– Давай дойдем до поляны, – начал он, но она снова сказала.

– Ты. О-бе-щал.

Он вздохнул. Раздражение всколыхнулось в нем, подобно волне. Остановить его не вышло, да и не то чтобы он дей-

ствительно пытался. Вместо этого он закатил глаза и сказал:

– Да пожалуйста, иди!

И развернулся, шагая в сторону поляны, надеясь, что ее страх не позволит ей уйти без него. Шагов не последовало. Он обернулся.

– Ань, ну что ты...

Она стояла, сжав кулаки и глядя в землю. Внутри него разгоралось странное: раздражение, злость, азарт, сочувствие. Все смешалось и туманило разум. Все рвалось наружу, выскребая нутро.

Стало действительно прохладнее. Верх взяло раздражение: если погода испортится, никакого веселья не получится. Он огляделся и решил, что они ушли достаточно далеко, и если она побежит обратно, то наверняка угодит в силки, если вперед – то в капкан. В целом – не самый скверный вариант.

– Что ж, – выдохнул он, – это начинает раздражать. Тебе страшно?

Она кивнула не поднимая головы.

– Ты хочешь домой?

Снова кивок.

– Ты никогда не вернешься домой.

Она вздрогнула и зажмурилась.

– Но ты мне нравишься, так что я дам тебе фору, – он улыбнулся, – ты можешь попробовать убежать.

Она стояла, застыв каменным изваянием.

– Ну же, – он прикрыл глаза от раздражения, – давай, беги!

Когда наконец–то он услышал ее топот, стало еще холоднее.

Дерьмо, в самом деле, прогноз обещал еще неделю сухого тепла. И Анна еще взбеленилась раньше времени. Он покачал головой и открыл глаза. Отчего–то лес показался чужим и враждебным. Слышался шорох кустов там, где бежала Анна, и он двинулся за ней широкими шагами, прислушиваясь.

Было странно тихо, он даже замер, прислушиваясь: за кустами, что ли, спряталась? Дурочка.

Он ступал, стараясь миновать подсохшую листву – так, чтобы самому издавать как можно меньше звуков. Тишина была какой-то неестественной. Он замер от свербящего чувства между лопаток, обернулся, но никого не увидел.

– Ан-на! – крикнул он.

Она предсказуемо не ответила. Чертыхнувшись под нос, Ян двинулся дальше и дальше по пути ее следования, изучая следы и кусты поблизости. Не могла же она просто в воздухе раствориться? Он проморгался. Видимость ухудшалась, небо продолжало затягивать. Оставалось только надеяться, что все же не будет дождя: с одной стороны, конечно, под дождем проще разобрать следы бегущего человека, с другой – она могла удрать, если он ее не поймают. Все шло настолько не по плану, насколько вообще могло. Все предыдущие от страха терялись, хлопали глазами, спотыкались о ветки и попадали в ловушки. Вскрикивали от шума. Хоть что-то. Сейчас тишина казалась неестественной, холодной и липкой, как пот от кошмара. Ян поежился и тут же одернул себя.

Анна умная, конечно, она реагирует иначе. Это не повод пугаться самому. В конечном счете охотник тут он. Он глубоко вздохнул и выдохнул и вновь вернулся к поиску, когда сбоку от него что-то тихонько застонало. Именно что-то – люди так не стонут, животные, сколько он знал, – тоже. Стон заставил его замереть и оглядеться, пытаясь понять, что за дерьмо происходило вокруг. Стон повторился. Ян двинулся на звук, но ничего не нашел. Сердце отчаянно застучало. Все внутри него велело бежать, не оглядываясь, но в то же время

он никак не мог сдвинуться с места. Ноги вспомнили, как бежать, только тогда, когда он понял, что стон приближался, но ничего: ни единой травинки не шевелилось, ветра не было, как не было и ничего живого рядом в траве. Он стартанул, не оглядываясь, едва не вписался в дерево, но вовремя увернулся, и бежал, а стон не удалялся, будто преследовал его. Нога зацепилась. Ян впечатался лицом в землю, не успев выставить руки, и от боли зазвенело в ушах. Звон не позволил понять, следовал ли стон за ним, и он осторожно проморгался, чувствуя, как его кто-то обнимает.

– Анна, – сказал он, прикидывая, как разрулить ситуацию.

Он не успел ее ничем напугать, не показывал оружия, все можно свести к простой ссоре, и черт с ним. Стоило проверить голову... Все это пронеслось в его голове за доли секунды, которые у него ушли на то, чтобы понять, что он не чувствует достаточного веса. Осторожно, он повернул голову, и крик застрял в горле: то, что было перед ним, когда-то было человеком. Ошметки кожи, полные личинок, еще свисали с черепа, светлые волосы... Ключья мяса осыпались на него, и в нос ударил стойкий запах гнили. Она застонала. Ян дернулся, сбросил ее с себя, унимая тошноту.

Точно рехнулся. Где-то в его мозгу проснулась совесть и решила его убить.

– Дерьмо, – прошипел он.

Он никак не мог понять, где он находится. Не видел ни единой метки на деревьях. И вообще было темнее, чем должно было быть, словно из дня понемногу вырывали клочки и время мчалось как сумасшедшее. Как он.

В какой-то момент он выдохся. Притормозил, оглядываясь: тишину все еще разрывали тихие жуткие стоны, будто весь его бег никак не повлиял на это все. Он прислушался. Кажется, стонов стало больше. Проклятый запах гнили застрял в носу и будто осел на языке. К горлу подкатило, желудок скрутило, и держаться было невозможно: Яна вывернуло до боли так, что брызнули слезы и подкосились колени.

Он сплюнул рвотную горечь и кое-как поднялся, оглядываясь, звуки не пропадали, в голове была тишина, мозг отказался хоть как-то анализировать происходящее, но он все равно зачем-то снова крикнул:

– Анна! Тут опасно, выходи!

И только стоны были ему ответом. А если ее уже нет? От охотничьего азарта не осталось ничего, кроме рвотной горе-

чи и гнилостного запаха разложения. Ян бежал, вертя головой и до сих пор не обнаружив ничего, что могло что могло бы стонать.

Нутро продолжало скручивать, первобытный страх сковал позвоночник и желудок, колени немели, и, кажется, не было ни одной расслабленной мышцы во всем теле. Он замер, когда перед собой на поваленном бревне увидел светлое платье. Завороженный, он двинулся к нему, все больше и больше приглядываясь: он знал это платье. До того, как выгореть, оно было светло-голубым. Он замер. Глаза защипало. Он знал, что позади него должна была стоять хозяйка платья, и никак не мог сдвинуться с места, бессмысленно размышляя о том, почему платье лежало тут и выцветало... Сколько? Лет пять? Он ведь не раздевал ее перед захоронением.

Гнилостная вонь усилилась и обдала его левое ухо ледяной волной. Он почувствовал, как костяной палец почти нежно погладил его щеку.

Он попытался сказать “не надо”. Но только засипел. С другой стороны послышался тонкий смешок. И еще один. И еще. По лицу потекло влажное, в ушах набатом стучала кровь.

Ян всхлипнул.

– Хватит, – выдохнул он, – хватит.

Еще смешок.

А потом все затихло.

– Ян?

Голос у Анны был напуганный.

– Ян, что с тобой?

Он заморгал отчаянно, и все прояснилось, казалось стало даже светлее, платья на бревне не было, но его все никак не отпускало.

– Боже, Ян, ты весь зеленый, – она протянула к нему руку и тут же отдернула.

Его колотило крупно и отчаянно.

– Что-то, – едва выдавил он и закачал головой, – что-то не так с моей головой.

Он всхлипнул. Слезы потекли.

– Что? – голос ее стал ласковый, заботливый.

Она подошла ближе, не глядя на то, что он был весь перемазанный, и прижалась.

– Я видел... Видел что-то страшное. Я сошел с ума.

– Видел? Что ты видел? – голос стал вкрадчивым.

Ян прислушался и понял, что лес все еще мертвенно тих. Он попытался выбраться из ее объятий, но она держала с совершенно неподобающей мощью. Нутро снова сковало льдом.

– Что ты видел, Ян, – повторила она настойчиво.

– Отпусти меня, – прошептал он.

– Зачем? – она улыбнулась. – Ты обещал, я – нет. Ты мог... Но ты сделал выбор.

Она ласково погладила его щеку ледяными пальцами. Она никогда не была такой холодной.

– Ты всегда делал не тот выбор. Помнишь? – она всмотрелась в его лицо.

Слишком доброе выражение лица, так умела только она.

– О, помнишь, я знаю. Ты узнал меня, как только увидел, да?

– Убей меня, отомсти.

– Убить? – она улыбнулась, – это слишком легко. Нет, я не убью тебя.

Она положила ладонь ему на грудь, погладила, а потом надавила.

– Но отомстить – отомщу, – сказала она, посерьезнев.

Он проследил за ее рукой, как она давит, проламывая плоть и вынимая сердце из груди. Оно пульсировало.

– Видишь, оно еще бьется. Ты не умрешь так легко.

Нечеловеческий крик его слился со смехом других девушек.

